

СЕРГЕЙ КРАЙ

АВРОРА

18+

Сергей Край

Аврора

«Автор»

2026

Край С.

Аврора / С. Край — «Автор», 2026

Аврора не прощает ошибок. Даже те, кто знает здесь каждую кочку, не чувствуют себя в безопасности. Ева выживает здесь с детства. Единственный, кто остался с ней, — Блю, своевольный альз с острыми клыками. Они не герои. Они просто хотят пережить ещё один день в мире, пожираемом ашрой. Пустые бродят по лесам, а люди в лагере Хоуп молятся, чтобы тьма обошла их стороной. Но случится иначе. Теперь Еве придётся спасать не только себя. Но сможет ли она спасти всех, кто рядом? И стоит ли ей пытаться?

Содержание

Глава 1. Пробуждение	5
Глава 2.	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Край

Аврора

Глава 1. Пробуждение

Болота Авроры.

Туман клубился над болотом, стелясь по воде, цепляясь за ветви, обвивая стволы древних деревьев. Запах гнили и сырости заползал в ноздри, оседал на языке, лип к гортани. Коряги, торчащие из чёрной глади, просили о помощи, как руки утопленников.

Две фигуры, которым не место в этих краях, переругивались шёпотом и рычанием — но делали общее дело.

— Да я знаю, надо спешить, не дёргай меня за рукав, — резко бросила Ева, отодвигая странное существо в сторону и снова опуская руку в поисках корня. Пальцы скользили по илистому дну, пытаясь нащупать заветный предмет.

— Грак! — недовольно откликнулось существо, отступая в сторону. Его бусинчатые глаза настороженно вглядывались в тёмную, непроглядную даль леса.

— Осталось чуть-чуть, и у нас сегодня будет ужин... Я надеюсь, — она замерла, и лицо её озарилось радостью. — Вот оно! Корень матхи, Блю! Нам повезло — сможем обменять на еду!

— Грак! Грак! — Блю развернулся и оскалил пасть в подобии улыбки. Острые, как накопечники стрел, зубы сверкнули в темноте.

— Убери это чудовище обратно в пасть, Блю, — поморщилась Ева. Она достала нож, аккуратно срезала корень и убрала в набедренную сумку.

Блю фыркнул, высоко поднял голову и, даже не взглянув на неё, зашагал прочь. Скрылся в кустах, но Ева знала: он не уйдёт далеко. Обида обидой — а без неё никуда.

— Да ладно тебе! — крикнула вдогонку Ева. — Ты и сам знаешь, что не красавец, хотя среди всех альзов ты самый-самый. Слышишь?

Тишина.

Слишком тихо даже для обиженного альза.

Ева нахмурилась. Лес молчал.

Внезапно в лесной чаще взметнулся птичий гомон и раздался глухой стук.

«Плохой знак. Надо выбираться. Срочно».

Она рванулась, пытаясь вытащить ноги, увязшие по колено, — трясина всосала их глубже. Ева опрокинулась на спину, вцепилась в мох, подтягивая себя сантиметр за сантиметром.

— Блю! — позвала она, изогнувшись, лихорадочно вглядываясь в темноту. — Приятель, ау! Хватит дуться, мне правда нужна помощь!

Только ветер в камышах.

Стук нарастал. Гулкий, тяжёлый — земля вздрагивала, и Ева чувствовала эту дрожь коленями, грудью, висками.

«Только не это. Только не сейчас».

Она перевернулась, впила ногтями в землю.

— Давай, Ева, ещё немного.

И тут всё стихло.

Резко, до звона в ушах. Птицы умолкли. Ветер улёгся. Ева замерла, боясь вздохнуть.

В этой мёртвой тишине из глубины леса донёсся хрип. Прерывистый, рваный, чужой. А следом — шёпот:

«Аш-ш-ра... Кх-х-хар... Иш-ш-та».

Он проникал в сознание, свивался там клубком, с каждым разом всё громче, всё понятнее.

«Ты устала... — прошипел голос прямо в голове. — Зачем бороться? Отпусти...»

Ева тряхнула головой, пытаясь избавиться от наваждения, но шёпот только усилился — теперь он шёл со всех сторон, будто проник в каждую клетку тела.

«Никто не придёт. Ты одна. Всегда была одна.»

— Блю... У меня есть Блю...

«И где же он? Убежал. Бросил тебя... Но я позабочусь...»

В сознании вспыхнули образы: Блю, без движения на болотной земле; тьма, поглощающая его; собственное измождённое тело, падающее в трясину. Такие яркие, будто уже случились.

«Врешь», — выдохнула Ева, и вместе со словом из глаз потекли слёзы — чёрные, обжигающие щёки.

Ашра.

Из последних сил Ева приподнялась на руках и прокричала в темноту:

— Блю, беги, не оглядывайся! Я справлюсь!

Неподалёку хрустнули ветки, затрещали кусты, и послышался удаляющийся топот.

«Убежал. И правильно. Мы всего лишь два неудачника в этом умирающем мире. Ничем друг другу не обязаны.»

Ашра застлала глаза, но она слышала шаги — тяжёлые, стремительные, совсем рядом. Кто-то остановился вплотную, хрипя и сопя, будто зверь, принюхивающийся к добыче.

Дрожащей рукой Ева нащупала кристалл на груди, стряхнула грязь. Тот затеплился слабым светом. Она сорвала его со шнурка и вытянула руку вперёд.

Свет озарил нижнюю часть фигуры: длинные искривлённые пальцы с загнутыми когтями, прорвавшими ветхие башмаки. Рваный, проплевневелый плащ спускался почти до земли, скрывая очертания тела, но не пряча неестественно вывернутые суставы тощих ног. От него несло сыростью и смертью.

Ева поднимала руку выше — и ужас поднимался вместе с ней.

«Не может быть... Болота зачищены... Откуда здесь Пустой?!»

Огромная худощавая рука обхватила её и рванула к себе. Когти прорвали рубаху, полоснув по плечу, впились в спину. Ева вскрикнула.

А вместе с болью в голову хлынуло чужое:

«Не надо... пожалуйста... спасите...»

Всего мгновение — и они встретились лицом к лицу.

Голова Пустого, чудовищно видоизменённая, клонилась набок, будто шея устала её держать. Из пустых глазниц сочилась ашра, смешиваясь со слюной и тягучими нитями стекая на грудь.

Пустой не спешил, тяжело хрипел и жадно глотал воздух, будто пробовал страх Евы на вкус. Он наклонился, и его гнилое дыхание ударило в лицо.

Ева дёрнулась, пытаясь вырваться. Когти впились глубже, пронзая плоть. Стиснув зубы, она рванулась ещё сильнее, перехватила кристалл за основание и вонзила его в горло Пустого.

Тот заревел, подняв голову вверх. Ашра хлестала из раны, чёрными струями заливая руку Евы и капая на землю с глухим шипением.

Раздался хруст, и голова Пустого рухнула вниз, нависнув над Евой.

Пасть раззявилась с мокрым чавканьем — шире, ещё шире, разрывая сухие, потрескавшиеся губы, обнажая неровные, ломанные зубы, торчащие в разные стороны. Кости лица скрипели, ломаясь и разрывая давно отмершую кожу.

Ева билась, несмотря на боль. Когти входили всё дальше. Глаза, залитые ашрой, невозможно было открыть. Смердное дыхание становилось всё ближе — и вдруг горла коснулось что-то липкое, мерзкое.

Но внезапно раздался рык за которым последовал истошный рёв. Что-то с силой отбросило Еву в сторону — она отлетела и с глухим ударом впечаталась в ствол дерева.

В ушах зазвенело. В глазах потемнело. Дыхание пропало.

Ева с трудом приподнялась на локтях. Вытерла ашру с глаз рукавом и заморгала, пытаясь сфокусировать взгляд.

Сначала она ничего не поняла. Перед глазами всё плыло, мелькали тени, размытые пятна. А потом зрение прояснилось — и она увидела.

Пустой корчился и выл, а на его шее висел Блю, вцепившись мёртвой хваткой. Ашра струилась по его шерсти, тварь мотала головой, пытаясь сбросить альза, но Блю не сдавался. Он вгрызался всё глубже, издавая яростный, приглушённый рык.

— Блю! — выдохнула Ева. Глаза защипало, по щекам потекли слёзы. — Подожди... Я сейчас... Я помогу!

Ева подавив приступ острой боли в спине. Медленно, опираясь о шершавый ствол, поднялась на ноги.

Пустой, не обращая внимания на Блю, висящего у него на шее, уже разворачивался к ней. Движения его стали пугающе чёткими. Он бросился вперёд, заноса когтистую руку. Блю не отпускал — он рвал гниющую плоть, впивался когтями глубже, но тварь не останавливалась.

Ева шагнула ему навстречу, но в последний миг отпрыгнула в сторону — когти просвистели у самого лица, обдав ветром. Щепки разлетелись в стороны. На стволе остались три глубоких выреза, обнажившие влажную древесину.

Ева снова рухнула на сырую землю. Грудь ходила ходуном, сердце колотилось. Приподняв голову, она встретила с пустотой его глазниц. Ашра текла из них — и в этой черноте не было ничего, кроме голода.

— Да сдохни ты уже! — выдохнула она одними губами. — Видишь, как Блю старается?

Блю дёрнул ухом на её голос — и в этот момент тварь рванула, сбрасывая его. Он отлетел в сторону, с трудом поднялся и, пошатываясь, встал между ней и Пустым. Шерсть его слиплась от ашры, бока тяжело вздымались. Он прижался к земле и оскалился, издав низкий предупреждающий рык.

Пустой замер на мгновение, наклонив голову, будто оценивая опасность. А затем стремительно бросился вперёд и вонзил когти в Блю. Тот пронзительно взвыл. Сила удара отшвырнула его, перекрутила в воздухе — и он без движения рухнул на землю.

— Нет! — закричала Ева.

Она смотрела на неподвижное тело Блю, и в голову снова полезли те образы, что шептал Пустой.

«Так это правда... То будущее, что нас ждёт» — мелькнуло в голове, но тут же нахлынуло другое. Тёплое. Дорогое. То, что не дало провалиться в отчаяние.

...Ей лет восемь. Она сидит у ручья с кривой удочкой. Тощий облезлый альз вылетает из кустов, хватая рыбину и скрывается. Ева ревет в голос. А наутро он сидит у входа в шалаш, перед ним — та же рыбина, пожёванная, но целая. И виновато “тракает”.

«Дурак», — смеётся она, протягивая руку.

Истошный вопль Пустого вернул Еву в сознание. На его руке не хватало пальца — в последний миг Блю успел откусить. Ашра фонтаном била из раны.

«Спасибо, Блю. Дальше я сама. И плевать, что будет после».

Ева медленно поднялась на ноги. Волосы, покрытые тиной и грязью, начали вздыматься — будто подхваченные ветром. Она машинально засучила рукава порванной рубахи, не пони-

мая, зачем. От запястий до локтей на коже проступали узоры, наливаясь тусклым, голубоватым, живым светом, а глаза Евы вспыхнули тем же холодным сиянием — и тут же погасли.

Она согнула руки в локтях, соединила — и узоры, сливаясь в одно целое, зажглись с новой силой. Началось пробуждение.

Сияние, едва тлевшее под кожей, с каждым ударом сердца разгоралось всё ярче. Узоры ползли вверх, к плечам, к шее — пульсируя в такт бешеному пульсу.

Боль пришла волной. Она рвала изнутри, разрывая вены, выжигая лёгкие. Ева закричала — но крик превратился в рык, дикий, нечеловеческий. И сквозь этот рык, сквозь боль и свет вырвались слова. Хриплые, ломаные:

— Э-на-йа... Тар-ве... Сар-ра!

Пустой попятился. Впервые за всё время он попятился. Он узнавал эту силу. Ту, что сожгла его когда-то. Ту, что не дала шанса. Он потянулся костлявой рукой к Еве. Из глотки вырвалось то, что было давно забыто, — слово на человеческом:

— С-пут...ник...

А потом ударил свет.

Волны разошлись во все стороны — слепящие, обжигающие, выжигающие саму тьму. Туман вскипел и рассеялся. Деревья вокруг затрещали, с них посыпалась кора и листва. Ашра на теле Пустого зашипела, испаряясь.

Ева стояла в центре этого света — тонкая фигурка в рваной рубахе, с чёрными дорожками слёз на щеках, с волосами, рвущимися в небо.

Она была прекрасна.

И страшна.

Свет погас так же резко, как вспыхнул. Ева рухнула на колени, тяжело дыша. Узоры на руках медленно меркли.

Она провела ладонью по спине — там, где ещё минуту назад кровоточили рваные раны от когтей, не было и следа. Свет, уничтоживший Пустого, прижёт её раны, оставив лишь багровые рубцы.

Там, где только что стоял Пустой, осталась лишь горстка пепла.

Ева подползла к Блю. Он не шевелился. Шерсть слиплась от ашры и крови.

— Нет-нет-нет, — зашептала она, трясущимися руками разрывая сумку. — Только не ты, слышишь? Ещё же... Ещё же не поздно...

Пальцы нашупали корень матхи. Она разжевала его в кашицу, не чувствуя горечи, и прижала к самой глубокой ране.

— Пожалуйста... — шептала она, чувствуя, как по щекам текут слёзы. — Ты единственный, кто у меня есть...

Под ладонью что-то дрогнуло. Слабое, едва уловимое движение.

Блю выдохнул. Очень тихо, протяжно. И открыл глаза.

— Грак... — еле слышно произнёс он.

Ева всхлипнула и прижалась лбом к его мокрой, холодной морде.

— Дурак. Но самый лучший в мире альз.

Она сидела так, не в силах пошевелиться, чувствуя, как силы утекают из неё.

Блю лизнул её ладонь. Язык у него был сухой и горячий.

— Знаю, — прошептала Ева.

Она посмотрела на свои руки — узоры всё ещё тлели, напоминая, что сила никуда не делась. И что за неё придётся платить.

«Спутник... Я уверена, что Пустой сказал именно это».

— Ты видел, Блю? Он... он был другим. Думал. Просил о помощи.

Блю слабо гракнул.

— Я знаю, ты не понимаешь. Но я чувствовала. Боль не свою — его. Странно, правда?

Ева замолчала. Блю ждал, не сводя с неё глаз. А потом её голову резко откинуло назад — будто кто-то невидимый схватил за волосы.

Воспоминания хлынули без спроса, раздирая сознание изнутри. Она скрючилась на земле, зажимая виски, но не могла перестать видеть и слышать. Сознание заполняли образы и голоса, знакомые или даже... родные.

Женщина нежно берёт её руку, с тёплой улыбкой на лице:

— Спутник — это тот, кто дарит свет. Но если свет... слабее тьмы?

— То надо гореть ещё ярче! — маленькая девочка заливается заразительным смехом.

«*Это моя мама?*» — мысль вспыхнула и погасла.

Видение оборвалось, сменившись другим.

Она сидит на спине у высокого мужчины. Они бегут — быстро, петляя между деревьями. Ветер свистит в ушах, ветки хлещут по лицу. Мужчина изредка оборачивается, его губы шевелятся, но слов не разобрать. Ева пытается вслушаться — и не может.

А потом он подхватывает её, опускает в огромное дупло старого дерева и, уже убегая, бросает через плечо:

— Мы с мамой любим тебя... Прости.

Ева пришла в себя оттого, что Блю толкал её в плечо, слегка поскуливая.

— Всё в порядке, Блю, — она погладила его по шёрстке. — Кажется, я видела своих родителей.

— Грак! — ответил Блю, глядя в лесную чащу.

— Мы до сих пор в опасности. А с такими ранами мы не бойцы. Поспешим в лагерь. Бабуля должна помочь.

Ева встала, отряхнулась и, ковыляя, подошла к горстке пепла от Пустого. В ней валялся ошейник — старый, ржавый, с выцарапанным номером С-147. Просто номер. Просто ещё одна жизнь, которую этот мир сожрал и не подавился.

«Думаю, стоит взять с собой. У меня слишком много вопросов».

И две фигуры, прихрамывая, объединённые общим делом, двинулись в сторону лагеря, а туман сгущался за их спинами, скрывая следы.

Лазарь. Святилище Ордена.

Тем временем, за тысячи вёрст от болот, в круглом зале без окон, освещённом лишь сотнями свечей, на каменном постаменте стояла чаша из чёрного камня. Внутри неё клубилась тьма — и вдруг в самой глубине вспыхнула искра.

Человек в белых одеждах открыл глаза.

— Спутник, — сказал он тихо. — Пробудился.

Тьма в чаше пульсировала в такт его дыханию.

— Дар чистый. Сильный. Опасный.

— Берём? — спросил голос из тени.

Человек в белом помолчал. Улыбнулся.

— Нет. Пока нет. Пусть думает, что спаслась. Пусть привыкнет к нему. Пусть подрастёт.

Он перевёл взгляд на карту, разложенную на каменном столе. Болота Авроры были отмечены на ней едва заметной точкой.

— Мы всё равно придём, девочка. Рано или поздно. Все Спутники приходят в Орден Чистоты. Добровольно или нет — неважно.

История одной мышки.

Блю смотрел на маленькую спящую Еву в старом, давно покинутом гнезде болотной крылатки. Гнездо было размером с небольшую повозку — сплетённое из толстых ветвей, устланное мхом и костями. Крылатки давно здесь не было, но запах хищника всё ещё держался, отгоняя мелких тварей.

Ева уютно устроилась прямо среди этих костей, подложив ладошку под щеку, и безмятежно сопела.

«Грак», — вздохнул Блю.

«Хозяйка совсем бесстрашная, если умудряется спать в таком месте.»

«Грак», — выдохнул он снова.

«Надо бы её отблагодарить. За всё. За то, что не прогнала тогда при первой встрече у ручья. За то, что делилась едой. И за то, что дала имя.»

Он бесшумно скользнул в кусты. Вернулся спустя некоторое время, в его зубах дёргалась жирная полевая мышь. Блю гордо подошёл к спящей Еве и аккуратно положил подарок прямо перед её носом.

Мышь, почуяв свободу, дёрнулась и ткнулась девочке в щеку.

«Грак», — довольно подумал он.

«Щас проснётся — и сразу обрадуется. Оценит. Похвалит. Может, даже погладит.»

— А-а-а-а! — закричала маленькая Ева, открывая глаза и подскакивая на месте.

Мышь, воспользовавшись суматохой, юркнула в траву и скрылась.

Блю проводил её разочарованным взглядом.

«Грак», — вздохнул он.

«Похоже, благодарность придётся отложить до следующего раза.»

Ева схватилась за колотящееся сердце, перевела дух и уставилась на Блю. Тот сидел в двух шагах, гордо задрав обрубок хвоста, и смотрел на неё с выражением «Ну как? Я молодец?».

— Ты... ты... — Ева задыхалась не то от страха, не то от злости. — Ты зачем мышь мне под нос положил?!

— Грак!, — объяснил Блю.

«Это был подарок!»

Лучший, кстати, подарок. Он ради этой мыши полчаса по кустам ползал.

— Что — «грак»? — переспросила она. — Ты зачем мышь притащил?

Блю наклонил голову, удивлённый её непонятливостью.

— Грак, — повторил он медленно, будто разговаривал с маленькой и глупой.

— Ты притащил мышь чтобы я поела? — теряясь в догадках спросила Ева.

Блю радостно закивал.

«Ну наконец-то! Она поняла!»

— Я не ем мышей! — выпалила Ева. — Я их боюсь! Они мокрые и противные, и... и... фу!

Блю моргнул. Это была новая информация. Очень странная информация. Кто же не ест мышей?

— А если бы она мне в рот заползла?! — продолжала Ева. — Если бы я её проглотила во сне?!

Блю представил эту картину. Вышло забавно. Он тихо гракнул, и это было похоже на усмешку.

— Ты ещё смеёшься?! — Ева схватила первую попавшуюся ветку и замахнулась. — Я тебе сейчас!

Блю ловко отпрыгнул в сторону, всем видом показывая, что ни капли не раскаивается. Мышь была отличная. Жирная. Вкусная. Жаль, сбежала.

Ева опустила ветку, тяжело дыша.

— Больше никогда, — сказала она строго. — Никаких мышей. Понял?

— Грак, — кивнул Блю.

Он понял.

«Мыши — не подарок. Лягушки — подарок. Это точно!»

Ева посмотрела на его довольную морду и поняла, что её только что проигнорировали.

— Блю, ты меня слышишь?!
Но Блю уже рылся в кустах в поисках лягушки.

Глава 2.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.